

ВРЕМЯ И МЫ

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ.

№ 21 сентябрь 1977

Выходит один раз в месяц

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Борис Норильский

"Черное и белое" 3

Леонид Гиршович

"Смерть выдает себя" 48

ПОЭЗИЯ

Леонид Губанов

"Преклонив колени" 86

Вадим Делоне

"Слова стучат по дну души" 92

ПУБЛИЦИСТИКА, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

Михаил Ледер

"Этот прекрасный преступный мир..." 101

Ефим Эткинд

"Кленовый лист" 116

ПИСАТЕЛЬ И МИР

Эмиль Коган

"Угол расхождений" 133

Владимир Соловьев

"Цвет времени" 141

Леонид ГИРШОВИЧ

*Подлым выстрелом в живот
Пушкин был смертельно ранен.
Д. Благой*

СМЕРТЬ ВЫДАЕТ СЕБЯ

(опыт в детективном жанре)

Петр Иванович Фыфкин — большая умница, хоть и провинциал — стал жертвой самого детского розыгрыша, какой только можно себе вообразить. Командированный во Францию, где, к тому времени уже практиковалось городское радиовещание, он поверил одному шутнику, сказавшему ему перед отъездом, что лучший способ завоевать сердца французов — это ежедневно становиться по струнке при звуках Марсельезы, с которой в шесть утра начинаются и в час ночи заканчиваются передачи парижского радио. Превозмогая холод и желание спать, Петр Иванович следовал этому доброму совету на протяжении всей своей французской гастроли, а чтобы учтивость его была по возможности полнее оценена окружающими, поворачивал рукоятку громкости до отказа, чем в короткий срок разогнал остальных постояльцев пансиона. Впрочем, хозяйка так и не решилась выговорить ему и лишь молча вздыхала от мысли, во сколько ей обойдется этот священный порыв иностранца.

Когда в конце концов розыгрыш был обнаружен, Петр Иванович повел себя еще разумней — вознамерился драться

на кавалерийских шпагах со своим обидчиком, и неизвестно, чем бы все еще закончилось, если б вызов его не был обманым путем перехвачен Дарьей Ильиничной, маленькой каштанкой (можно и "шатенкой") с черной родинкой в форме капельки, удивительно точно заполнявшей выемку над верхней губой, отчего ее миленький ротик напоминал райское яблочко, свисавшее на черенке с веточки носа. Очень возможно, что Дарья Ильинична охотно бы предоставила супруга его собственной судьбе, не будь противником его не кто иной, как Савва Олегыч Мискин, редактор "Стража", где по пятницам печатались ее "Советы садоводу". С редактором у нее была многолетняя связь сугубо полемического характера, родившаяся из жарких споров по поводу явления, называемого оккультизмом. Мискин, люто ненавидевший всякую чертовщину, видел в оккультизме попытку "проникнуть в святую храмину с черного хода", Дарья же Ильинична держалась взглядов диаметрально противоположных, деля свое сердце между древними магами востока и современными спиритами запада.

— Недопустимы и кощунственны, сударыня, те средства, которыми ваши друзья пользуются в надежде приобщиться к царству вечной жизни, — говорил благочестивый Савва Олегыч.

— О! — Дарья Ильинична вспыхивала словно магний. — В прошлую нашу встречу я вам сказала, что изнанкой вашего пиетизма является ханжество — так вот, мой милый, теперь я скажу, что изнанка его — трусость. Вас пугает бездна, потому вы отворачиваете взор свой от обрыва, на краю которого стои те и вы, и я — и все все.

— Смешно, — отвечал редактор, — а главное нелепо — ведь пиетизм есть сугубо мистическое направление ума. Что до ваших колдунов, то они на поверку все как один оказываются шарлатанами. Самый суеверный из средневековых судов, и тот, наверное, не стал бы обвинять их в сделке с дьяволом, разве что — в мелком жульничестве.

— О, Боже, что за человек! А полет, который в минуту совершила вокруг земли баронесса Безансон, покуда бременная оболочка ее пребывала в кресле. Пролетая над Японией,

она видела тайфун, который назавтра стер с лица земли остров Уруп.

— Вы, как женщина, прекрасно знаете, как легко стирается с лица то, что не составляет его принадлежность. Не было такого острова.

— О, человек!!! А Листа, может быть, тоже не было?

— А что Лист?

— Как что? Знаменитый Магнус Дей ровно в полдень выбежал из своего дома и бросился на городскую площадь с криком: "Я вижу, как плавно восходит новая звезда на небосводе, ярчайшая из всех". Все запрокинули головы и, конечно, не увидев ничего, стали смеяться. Это случилось 12-го июля 1811 года в Райдинге. В эту минуту родился Ференц Лист.

— Знаете что, голубушка Дарья Ильинична, что касается предсказаний — я поверю в них не раньше, чем с а м о л ч н о убежусь в том, что хоть одно из них сбылось — и с точностью до дня, до часа...

— А до минуты не хотите?

— Хочу!

Понятно, что послать на поединок с мужем т а к о г о человека — в спорах с которым оттачивалось трансцендентное ее мышление и проходили лучшие часы ее жизни, Дарья Ильинична не могла никак. Очевидно, и Савва Олегыч дорожил близостью с хозяйкой райского яблочка, раз не отказался от ее "Советов садоводу" даже после того, как у одного козловчанина засохли один за другим все пятьсот яблоневых саженцев. "Не денег жалко, — писал козловчанин, — а жалко, что в душу человеку наплевали, который поверил вам, вот так," — и над самой подписью что-то желтело, уже подсохшее, но все равно до того противное и мерзкое, что Савва Олегыч сморщился, словно отведал фруктов из садов своих подписчиков. Подпись же была: Иван Мичурин.

Кстати о фамилиях. Своей фамилией Дарья Ильинична тяготилась ужасно. Всякий раз, когда ее кому-то представляли ("Милостивый государь, позвольте... госпожа Фыфкина") новый знакомец обязательно осведомлялся: "уж не родственница ли нашему прославленному пейзажисту?" —

тем самым допуская обидную для третьего лица — им обычно оказывался хозяин дома — мысль, что у того — ж у б ш о ш в и ш т о м. Больше в этот дом Дарью Ильиничну уже не приглашали.

— Сменил бы хоть фамилию, Петь, — обвивала она по ночам — словно душистый горошек водосточную трубу — тонюсеньким голосочком мощнейший, обхвата в три, мужнин храп. Бедняжку не звали больше ни на один спиритический сеанс, если не считать одного дома, где хозяин лишился дара речи еще лет двадцать назад, будучи поднят — одною лишь силой мысли знаменитого отечественного медиума-самородка Куцеватого — на воздух, прижат к потолку и продержан в таком положении до самых петухов.

— Не сменю, не ной, ни у кого больше такой нету, — отвечал жене Петр Иваныч сквозь сон, утыкаясь ликом в подушку и подкладывая себе под щеку нос. Дарья Ильинична слушала — уж в который раз — этот поглощаемый подушкой голос: му-му-му, и — опять же в который раз — говорила себе: "Тиран, душитель свободы... Бенкендорф..."

— Как! Как! — восклицал Савва Олегыч, обращаясь к Дарье Ильиничне, которая пробежала глазами, прежде, чем окончательно передать в редакторские руки свои "Советы вредителя", как следовало бы переименовать эти фантастические пасквили на тему садоводства, в то время как Петр Иваныч, сопровождавший жену исключительно на предмет покупки на обратном пути заграничной пелеринки "Saute dans le bateau", то есть "прыгай в лодку", тихонько скучал себе в уголку. Между тем Савва Олегыч, обрушив на свою оппонентку с дюжину трассирующих "как", откинувшись на спинку стула, и, утерев батистовым платком мельчайший лобный бисер, сказал:

— Как, вы не читали сегодняшнего номера "Стража?"

— Разве вы не знаете, что я читаю только пятничного "Стража", да и то лишь м о й раздел. В остальном же я предпочитаю "Нил", "Оттуда" и "Детей Царя Небесного".

Отвечая так, Дарья Ильинична предполагала, что Мискин затевает обычную игру, за которой вот-вот последует жаркий

спор двух, как мысленно она выражалась, "истребительных натур". Каково же было ее удивление, когда Савва Олегыч торжественно проговорил:

— Отныне, дорогая моя Дарья Ильинична, вы сможете читать не только пятничного "Стража", но и субботнего, и воскресного, и понедельничного, и вторничного, и — нет, по средам мы не выходим — поелику газета наша меняет свое направление и берет — прошу вашего внимания, сударыня — курс на остров... Уруп!

Дарья Ильинична опустила на стул, бледнея и тоже покрываясь испариной.

— Газету... (голосом, которым иная воскликнула бы: "Воды!", а иной: "Вашу руку, я ранен"...) где читать?

— Не трудитесь, я сам прочту. Внемлите же гласу обращенного.

"Задолго предугаданная трагедия.

Вчерашние газеты, в том числе и "Страж", уже сообщали о трагической смерти г.Пешковича, без сомнения первой скрипки нашего города, замечательного виртуоза и тонкого интерпретатора в духе новейшей романтической школы. Однако общественности предстоят еще большие потрясения в связи с нашим решением предать гласности тот факт, что смерть артиста, наступившая во время публичного исполнения им рапсодии "Пушкин" для скрипки соло, соч. г. Турчака, еще месяц назад была предречена, причем с точностью до одной минуты, г. Загвоздкиным, который тогда же под большим секретом поведал о своем печальном провидении редактору "Стража" г. Мискину. И так, со следующей недели читайте в нашей газете серию очерков этого выдающегося предсказателя под общим их названием "Смерть выдает себя". — Ну, что скажете?

Дальше случилось то, чего Мискин менее всего ждал. Петр Иванович Фыфкин, предварительно как-то странно крякнув в своем уголку, вдруг весьма вызывающим тоном проговорил:

— Я надеюсь, что это шутка, милостивый государь? — При этом он двинулся в направлении редактора с таким свирепым видом, что того охватило чувство безотчетного страха.

— Нет, многоуважаемый Петр Иванович, никак нет, — ответил он тем не менее не без запальчивости.

— Вы уверены, что это не шутка?

— Совершенно-с.

Пауза.

— В таком случае, — сказал Петр Иванович, — история эта относится к разряду тех, за расследование которых мне платят жалование, — ибо надо сказать, что был он, Петр Иванович Фыфкин, полицейским следователем.

— Не обессудьте, Савва Олегыч, сейчас я нахожусь при исполнении служебных обязанностей, а посему, — Петр Иванович впервые встречался с работодателем и идейным противником своей благоверной тет-а-тет, да еще не просто так, а в качестве лица должностного — а посему, — но тут он вспомнил эти проклятые марсельезы, завершившиеся досаднейшей и глупейшей выходкой с вызовом и, всплыв — в сущности против себя же, разом выпалил: — а посему обязан предупредить, что умышленное сокрытие, равно как и искажение фактов, вам известных, чревато самыми печальными для вас последствиями. Не обессудьте.

— Да помилуйте, милейший Петр Иванович (при слове "милейший" Петр Иванович поморщился: обращение неуместное), я считаю своим священным долгом оказывать посильную поддержку действиям властей, на каком бы уровне они ни предпринимались.

Петр Иванович опять поморщился, теперь уже при слове "уровень".

— Коли так, то я вам буду задавать вопросы, а вы мне отвечайте. Когда именно телепат Загвоздкин поведал вам о предстоящей смерти Пешковича?

— Ну, точно день я вам сейчас не могу... но это не трудно узнать. Это было... накануне первого аншлага, который мы затем давали чуть ли не ежедневно на протяжении целого месяца... ну, по случаю готовящегося музыкального вечера, ну, этого вечера. Я сейчас возьму подшивку и проверю.

— Не трудитесь, я сам проверю. Почему в вашей памяти

связываются эти два события — пророчество Загвоздкина и первый аншлаг, какая между ними связь?

— Самая прямая. Покойный Пешкович принес в редакцию программу концерта, которая, по его желанию, начиная со следующего дня, должна была регулярно печататься в нашей газете... он это делал уже не впервые, он всегда отличался некоторой назойливостью по части рекламы... в конце концов это, возможно, имело смысл.

— Простите, Савва Олегыч, мы отвлеклись, что же телепат?

— Ах да, господин Загвоздкин в это время находился в моем кабинете и тогда же вынес свой ужасный приговор.

— Так значит, эти двое господ совершенно случайно встретились друг с другом в присутствии третьего господина — я разумею господина Мискина?

— Ну, если вам угодно...

— При этом какое дело привело Пешковича к этому третьему господину, понятно, а вот что же было угодно телепату от него? Насколько я помню, ваше увлечение сверхчувственными явлениями всегда носили негативный характер. Или, может, Савва Олегыч, это был ваш старый знакомый, который забрел, так сказать, на огонек, случайно?

— Нет, нет, господина Загвоздкина я раньше не знал, это была первая наша встреча, если не считать, что я уже успел к тому времени ознакомиться с материалом, предложенным им нашей газете.

— Материалом метафизического свойства, я так понимаю?

— Да, совершенно верно.

— Но на что же он мог надеяться, зная, что "Страж" держится направления, при котором совершенно исключены такого рода публикации? На то есть "Нил", "Дети Царя Небесного", "Оттуда".

— Видите ли, существует нечто вроде корпорации, точнее профессионального союза людей, пишущих на подобные темы и сотрудничающих в названных изданиях. Перефразируя известную поговорку, замечу, что легче верблюдице пролезть в угольное ушко, чем новичку урвать себе местечко на страницах "Нила", или "Детей". Не подлежит сомнению, что он уже побывал всюду, прежде чем, наконец, пришел ко мне.

— То есть прислал к вам, как вы выражаетесь, материал.

— Именно, который мы... который я вынужден был в силу прошлого своего мировоззрения отклонить.

— А-а, понимаю. И тогда автор сам пожаловал к вам, чтобы забрать отвергнутую статью и случаем повстречал здесь Пешковича, в котором мгновенно признал покойника, то есть покойника в скором будущем. Загвоздкин дожидается его ухода — или он отозвал вас в сторонку? — и сообщает вам о сроках преставления с пугающей точностью. Месяц проходит, оракула сбывается, ваше мировоззрение меняется в корне, отныне "Страж" всегда готов предоставить свои страницы великому прорицателю Загвоздкину. Ну, так?

— Простите, Петр Иванович, как человек мало-мальски разумный, я чувствую, что вы куда-то клоните, больше того, я даже вижу куда. Очень сожалею — мотив для убийства недостаточен.

— Поверьте моему опыту, достаточен. Впрочем, это вы говорите об убийстве, а не я. Я, сударь, — молчок, я лишь перечислил факты.

— Оставьте, Петр Иванович, я вижу, к чему вы ведете. Но, насколько мне известно, смерть наступила от закупорки венечной артерии.

— Э, батенька, да вы эскулап. Разве производилось вскрытие? Хотя, забыл — журналисты всегда торопятся с выводами.

— Хорошо. Убили, согласен. Загвоздкин убил, чтобы прославиться. Спрятался среди публики и из лука невидимой стрелой его уложил — аккуратно в указанном месте.

— Вы хотите сказать — в указанное время?

— Нет, я хочу сказать в указанном месте. Загвоздкин указал место в нотах, то есть звук, взяв который, артист, как говорили римляне, станет богом.

— Бр-р-р!—Петр Иванович зафыркал, затряс головой, как кот, на которого из окна вылили ведро с водой. — Фр-р-р! Вы же пишете в своем "Страже": смерть была предсказана с точностью до минуты. А теперь вы говорите про какие-то ноты.

— Ах, Петр Иванович, в коротеньком сообщении я просто не стал вдаваться в подробности того, чему будет посвящена

огромная статья в ближайшем номере. В действительности предсказание было сделано в той форме, в какой я вам сказал. Когда Пешкович ушел — он ведь забежал на одну секунду — Загвоздкин стал листать ноты, позабытые им на моем столе, и вдруг сказал: "Через месяц, в концерте, на этой самой ноте он умрет..."

— После чего вы, разумеется, выставили его вон...

— Разумеется. Но когда это произошло на моих глазах, я испытал то же, можно сказать, что Савл на пути в Дамаск.

— Ну, ну, не кощунствуйте.

— Я и не кощунствую. Я говорю, что есть. Вообще, должен вам заметить, что я не из тех, кого легко водить за нос.

— А вы не заблуждаетесь на свой счет?

— Нисколько.

— И вы верите в пророческий дар господина Загвоздкина?

— Да, ибо никаких разумных объяснений произошедшему я найти не мог, как ни пытался. Я ведь, как и вы, вначале подумал о *mors te debit*, или — как его еще называют — змей-горынычевом яде, действие которого можно рассчитать с точностью до минуты, в зависимости от того, к чему он подмешан и какова дозировка, причем принявший его вплоть до последнего момента не будет чувствовать признаков отравления.

— Нет, для журналиста вы поразительный токсиколог, а главное — вы изрядный сердцевед. Я и в самом деле думал о "змей-горыныче". Объясните, почему это исключено, и тем самым вы снимете подозрение не только с Загвоздкина, но и с себя, ибо вы проявляете для журналиста уж слишком хорошее знание ядов, их свойств. Чувствуется, так сказать, лапа эскулапа — в конце концов, как знать, не было ли у вас своих причин желать смерти для Пешковича... (Мискин улынулся, но побледнел, что не укрылось от Петра Ивановича) ... ну, хотя бы в рекламных целях, ха-ха-ха. Ну, как я вас?

— Да, напугали, ничего не скажешь. В рекламных целях значит? Позвольте же, любезный Петр Иванович, обратить ваше внимание на одну деталь: если во всем, что касается яда, можно все заранее высчитать, то высчитать с такой же точностью, когда в концерте музыкантом будет сыграна та или

другая нота, невозможно; музыкальные темпы весьма условны, антракт, бисы... да что вы, в самом деле... Нет, нет, это исключено.

— Гм, а вы убеждены, что смерть наступила именно в этом месте, на этой самой ноте?

— Это первое, что я тут же поспешил проверить, когда вместе со всеми бросился к эстраде.

— Ну, хорошо, Савва Олегыч, обескуражили вы меня вконец, я-то начал с вами браво, а вы меня... эх, а может, и вправду ничего, закупорка венечной артерии, как вы выразились, сердечко не выдержало... Так вот, Савва Олегыч, не сердечко, — Фыфкин вдруг мгновенно переменял и тон, и выражение лица. — Этой ночью тело было эксгумировано и исследовано. Цианистый калий. Калиум цианатум, если вам так понятней. Честь имею, милостивый государь. — И взглянув на Мискина так, словно тот уже был изобличен в убийстве, Петр Иванович вышел, не закрыв за собой дверь.

— На фабрику Гвоздева! — крикнул он извозчику.

— Даша? — Петр Иванович был весьма удивлен, встретив Дарью Ильиничну в конторе фабрики, производящей фосфаты, нитраты и прочие химикаты, порог которой он только что переступил. — Ты что здесь?

Дарья Ильинична смутилась: "Я... я хотела выяснить относительно некоторых свойств толуола — ведь если использовать его в качестве подкормки для садовой земляники, то..."

— То садовой землянике придет капут, ты это хотела сказать?

— Ах, Петя...

Тут на помощь Дарье Ильиничне пришел тот, кто, очевидно, консультировал ее по этому вопросу.

— Дарья Ильинична наш давнишний и блистательный контрагент. Прямо не знаю, что бы мы делали с излишками толуола, если б не Дарья Ильинична. А вы, как я понимаю, супруг Дарьи Ильиничны?

— Совершенно верно, супруг.

— А я — Василий Васильич Загвоздкин, управляющий.

— Ах, Петя, это тот самый Василий Васильич, о котором нам рассказывал Мискин, — Дарья Ильинична несколько оправилась от шока, вызванного внезапным появлением Петра Иваныча, а главное его непривычно грозным видом. — Представляешь, столько времени знакомы, и он ни разу ни словом не обмолвился о своем волшебном даре.

— Да, душа моя, я знаю, что это тот самый Василий Васильич, потому-то я и здесь. Знаешь, Дашенька, сейчас тебе лучше оставить нас с Василием Васильичем вдвоем, у нас с ним важный разговор. Видите ли, господин Загвоздкин, помимо того, что я супруг Дарьи Ильиничны, я еще полицейский следователь, Петр Иваныч Фыфкин.

В ожидании, когда Дарья Ильинична удалится, Петр Иваныч затеял светскую беседу:

— Как здоровье вашего хозяина, господина Гвоздева?

— Неважно, совсем плох. Три месяца, как Анисим Галактионыч не встает с постели, а недавно и пищу самостоятельно перестал принимать. Доктора уже отчаялись, говорят: нет надежды, — ответил ясновидящий, очевидно, не сознавая, что ссылка на докторский авторитет в его устах выглядит несколько странновато.

— Да, на все воля Божья, — вздохнул Петр Иваныч, как раз в этот момент за Дарьей Ильиничной закрылась дверь — между тем взгляд Фыфкина, скользнув по комнате, задержался на внушительных размеров несгораемом шкафу. — А скажите, что, кроме Анисима Галактионыча и его управляющего, еще кто-нибудь имеет доступ к особо опасным токситам?

— Что вы, исключено совершенно, — улыбнулся Загвоздкин — так, вероятно, улыбнулся бы сейф на вопрос, хорошо ли он заперт.

— Угу. Вы, Василий Васильич, как я вижу, человек с терпением и первый ни за что не спросите о цели моего прихода — или вам, провидцу, это хорошо известно и так? Впрочем, если известно, то тем хуже, тем много хуже. Так вот, смерть господина Пешковича, столь блистательно вами предсказанная, явилась результатом отравления цианистым ка-

лием — если мимика прорицателей сходна с мимикой простых смертных, то я должен сделать вывод, что вам это не известно.. Сейчас я вас покину — хочу догнать жену и извиниться перед ней — а вы подумайте об этом в свете того факта, что, кроме вас, по вашим же словам, цианистый калий взять никто не мог. Ауф видерзеен. Да, я, возможно, к вам на недельку наведаюсь в гости, так что не уезжайте никуда. Да и адресок черкните мне свой. Благодарю. А теперь — добрых снов.

— Слушай, Дарья Ильинична, — говорил Петр Иваныч Дарье Ильиничне, которую ему даже догнать не пришлось, поскольку та сама дожидалась его у дверей конторы, при этом обнаруживая некоторую взволнованность. — Как это вышло, что ты не видела, как Пешкович мертвый со стула свалился? Сколько я помню, ты же собиралась в концерт пойти и — Петр Иваныч наморщил лоб — я даже вспоминаю, что ты уходила вроде...

— Да, Петя, но дорогой у меня разболелась голова, и я воротилась. — Дарья Ильинична заволновалась пуще прежнего. До сих пор страхи ее главным образом питались тем обстоятельством, что мужу стала известна некая дискретная статейка ее дохода — но вот ей вновь пришлось солгать, ибо, если она и вернулась тогда домой, не побывав на концерте, то по причине совсем иной. Лгать же мужу она боялась и не хотела, по опыту зная, что нет такого обмана, даже если это мнимая головная боль недельной давности, который Петр Иваныч не изобличил бы каким-то одному ему известным способом. Но Петр Иваныч только спросил: "Это точно?" — и перевел разговор на другую отнюдь не более приятную тему: — "Прыжки в лодку" теперь будут производиться гвоздевскими контрагентами на его счет.

"Извинившись" таким образом перед женой, Петр Иваныч поспешил в полицейское управление, где его дожидался некто Гробокопатель, сметливый малый, сослуживший ему добрую службу не в одном расследовании, хоть и числился по бумагам в кучерах — подлец не желал креститься.

— Мое почтение, Петр Иванович, чайку горяченького?

— Моисей, слушай, пойдешь в "Оттуда", "Нил" и к "Олухам"...

— К "Детям", вы хотите сказать.

— Да-да, к "Детям". Спросишь, сколько стоит дать объявление, ну, наподобие того, что давал Пешкович в "Страже". Там же купишь газет за последний месяц — скажешь: обои клеить, и проверишь, как часто печатались Пешковичевские аншлаги. Затем — пойдешь к Мискину в "Страж", попросишь — скажешь, что в интересах следствия, о котором я ему говорил — его бухгалтерские книги, — тоже за последний месяц. Проверишь, сколько получено от Пешковича за печатание его афишек. Но только Мискину не говори, на что они тебе, пусть почешется. Стой, не все. Непременно: поговори с капельдинером из Народного дома, кто в тот вечер был у Пешковича в уборной...

— В артистической с вашего-с.

— Хрен с ним. В артистической. Да стой ты, черт, стой! — вот мерзавец, — подумал Петр Иванович.

Мерзавец (он же подлец) был возвращен фыфкинским криком уже с улицы.

— Еще что-нибудь?

— Да. Чтоб Федор глаз с Загвоздкина не спускал. Загвоздкин сейчас на фабрике. Куда пойдет оттуда, с кем будет встречаться — я все хочу знать. Но, — Петр Иванович устало вздохнул — "пыхнул трубкой" — если потеряет его — вот его адрес.

— Здесь живет профессор Турчак?

— Здесья, — ответил из мрака скрипучий голос, и Петра Ивановича впустили в квартиру. — Евсей Евсеич еще не вставали, — продолжал "голос" — обладателя же его морок зашторенной, занавешенной, загардиненной обители профессора музыки ревниво оберегал от глаз вошедшего. — Как доложить?

— Гм, насчет уроков музыки... Петр Иванович Фыфкин.

— Шишкин?

— Фы-фкин! — наконец только следовательские глаза

разобрали, что обладатель несмазанных голосовых связок — старуха, настолько старая, что между подбородком и носом у нее можно было без труда продеть суковатую палку.

— Ну я же и говорю — Шишкин. Вы покамест здесь обождите. — Пока новая Наина (но старая, очень старая, разумеется) отсутствовала, Петр Иванович оглядел комнату, в которую был введен — ничего интересного: ну, диван, ну, кресло, ну, кабинетный рояль с бюстом одного из тех, кто изумлял человечество быстротой своих пробежек по клавиатуре, еще несколько лито- и фотографий по стенам, в шкафу за стеклом тусклое золото аусцугов — словом, внутренний вид башни из слоновой кости. Послышалось профессорское шарканье, и Петр Иванович увидел Турчака — в шелковом халате с белым клинышком пластрона (но без воротничка).

— Прикован старческими недугами к постели, — сказал Турчак так, словно речь была о каком-то третьем лице, но никак не о нем. — Чем могу быть полезен, милостивый государь?

— Фыфкин, с вашего позволения... Петр Иванович.

— Да-да, Петр Иванович... Ф... Ш... первая, простите, Шаляпин, или Федор?

— Федор, Федор.

— Фыфкин, значит, да-да... Нет, не припомню, старость.

— Ах, что вы, я не имею чести быть с вами знаком, но тем не менее я осмелился обратиться к вам, безусловно к одному из крупнейших, э... известнейших, э... (дело в том, что в этот момент Турчак зажег свет и у Петра Ивановича, от удивления, как это теперь говорится, челюсть отвалилась — до того поразило его кое-что, хотя со своей стороны профессор мог истолковать это произвольное движение в самом лестном для себя смысле: вот, человек смутился видом большого художника. — Э... прославленных наших, можно сказать, гордости нашей... — продолжал Петр Иванович, будто о собственном будущем вслух мечтал, тогда так в действительности это было лишь механическое ворочанье языком, позволявшее ему оправиться от изумления и соб-

раться с мыслями — э-э... человеку, чье имя будет вписано в книгу светочей российских, пред кем склоняются Берлин, Рим, Париж...

— Ах, прошу вас, я бедный провинциальный музыкант. Я, право... — а про себя Турчак решил бесповоротно: сумасшедший.

Тут Петр Иванович понял, что произошел пересол и круто сказал: "Научите меня играть на скрипке"

"Точно", - подумал Турчак и ответил так: "О, это, как вам сказать, это желание несколько несвоевременное. Ведь вам уже есть, гм... (как бы его не обидеть намеком на возраст, бешеный же) пятнадцать лет?"

— Разумеется, мне двадцать, — ответил Петр Иванович, как ему показалось, на шутку шуткой. — Разве возраст играет роль?

— Да как вам сказать, — уклончиво забормотал Турчак, пятясь по направлению к двери, что отнюдь не ускользнуло от взора Петра Ивановича, который тут же поторопился отрезать ему все пути к отступлению. — И вот еще: ведь я совсем не скрипач, вот видите, — рояль стоит... я рояля уроки даю... — лепетал бедный Турчак.

— А разве это не одно и то же?

— Помилуйте.

— Я погиб! Я погиб! — вскричал "сумасшедший" Фыфкин и без обиняков признался Турчаку, что если не научится играть на скрипке, то жена уйдет от него. — Она устраивает любительские концерты, аккомпанирует всем подряд. Это же чистая "Крейцера соната", а я на положении рогатого слушателя. Вы представить себе не... — Но Турчак так вдруг расхохотался, что "исповедь" пришлось отставить.

— Боже, какой вы наивный. А я-то, — он вынул из кармана халата белоснежный платок и поднес к глазам. — Ха-ха-ха, хе-хе-хе, я-то думал, что вы "того".

— Я уж и в самом деле "того".

— Ах, как вы меня... Поверьте мне, поверьте мне, старику, что жены бросали даже самых великих артистов, — он вдруг стал серьезным и даже немного печальным. — Нет, будь вы хоть Паганини, это вам не поможет... Женщин нужно

удерживать не музыкой, а... — не закончив своей мысли, он достал из шкафчика графин с двумя рюмками. — Не угодно ли?

— С удовольствием.

— Только сделайте одолжение, налейте сами, а то у меня руки по-стариковски дрожат. А скрипку из головы выкиньте. (Выпив) Вредный инструмент. Пешкович, слышали? Мой друг был — прямо во время выступления скончался. Когда-то мне скрипку подарил один энтузиаст, вроде вас, который думал, что на скрипке и на рояле играть — это одно и то же, а я ее Пешковичу дал — тогда еще совсем юноше — так поди знай, что она, голубушка, ко мне назад вернется. Нет, дорогой мой, скрипка (показывает на футляр) — это штука жизнеопасная.

Уже собираясь уходить, Петр Иванович еще раз взглянул на предмет, столь поразивший его в первый миг. Это была фотография молодой дамы, так сказать, приятной наружности.

— Моя покойная жена, — сказал Турчак, проследивший направление взгляда своего гостя. — Клавдия Олеговна.

— Угу, — Петр Иванович кивнул, дескать: а вот моя еще жива.

Выходя на улицу, он напевал какой-то мотивчик, слова в нем были: "Покойная Клавдия Олеговна Турчак — тра-та-та."

Наутро у Фыфкина в его кабинете состоялся любопытный разговор в Гробокопателем, в начале которого Петр Иванович еще баловался чайком, а под конец — ох, Петр Иванович...

— Ох, Петр Иванович, не знаю даже, с чего начинать, совершенно потрясающие новости. Ну, как вам это понравится, если я скажу, что Мискин был для Пешковича чем-то вроде дойной коровы. Но погодите, я по порядку. Сперва я побывал в "Ниле", "Оттуда" и у "Остолопов" и узнал, что объявление, как у Пешковича, стоит 25 копеек за слово, не считая косенько заштрихованной рамочки. Помножьте это на пятьдесят — у него пятьдесят два слова, считайте:

"Зал Народного Дома. 13 апреля.
Концерт!!!

Всего в двух отделениях!!!

г.Пешкович при участии г-жи Вусглаз (фортепиано)

исполнит: Полонез Огинского, Бурлеск Копытмана, Танец Антильских девушек из балета Верстовского "Ромео и Юлия", Первую часть концерта Ридинга, и в заключение "Героическую рапсодию" для скрипки соло "Пушкин" Евс. Турчака.

В буфете свежая икра .

— Но я уж для ровного счета на пятьдесят — выходит 12.50. В каждой газете он, значит, дал по два объявления, первое — дней этак за десять до концерта, второе — за три-пять.. Итого: 50 рублей, ничего, да? Теперь, в "Страже" он печатал свои афишки целый месяц. Нужды в этом, сами понимаете — одно баловство. Обошлось это ему в... страшно выговорить. Но в бухгалтерской книге "Стража" даже грош не значит, им уплаченный. Следственно: либо Мискин по дружбе ему все бесплатно печатал — но опять-таки, можно удружать, если в этом нужда имеется, но тут же явное безобразничанье — либо... Я не знаю, как это меня угораздило, но, думаю: дай-ка схожу к Раскину от вашего имени (Раскин — банковский служащий, за небольшую мзду разглашавший полиции тайны вкладов). И что вы думаете? Ре-гу-ляр-но со счета "Стража" на счет Пешковича начислялись приличные такие суммки. Ну, чем пахнет? По мне так — шантажом...

Звонок телефона. "Моисей, я занят!" — только и успевает крикнуть Петр Иванович.

— Кучер следователя Фыфкина слушает. Ах, Савва Олгич... (Гробокопатель подает знак рукой, мол, Петр Иванович, что делаем?) ... Приехать к нам? Поговорить с Петром Ивановичем? (Фыфкин энергически кивает головой) Да, конечно, приезжайте. Петр Иванович как раз здесь. Здравия желаю-с.

— Что он сказал?

— Сказал, что хочет вас видеть. По делу, не терпящему отлагательств.

— И что, он скоро будет?

— С минуты на минуту.

— Интересно, Моисей, очень интересно. Наверное, переполошился из-за проверки, что ты учинил в его бухгалтерии. Как он вел себя с тобой?

— Очень покладист. "Раз, — говорит, — Петру Ивановичу нужно, то смотрите, если еще что нужно, так скажите".

— Боится, — сказал Петр Иванович, потирая руки, словно перед ним стоял не стакан горячего чаю — пятый по счету — а котел, в котором на том свете будут варить Савву Олгича Мискина. — Ничего, ничего, я ему, голубчику, эту "Марсельезу"... да, так что ты говоришь, шантаж?

— Похоже. Помните, Янычарова покойника, который знал, что хозяин у него в руках? Какие фортеля он с ним выделывал, властью своей упиваясь, а?

— Янычаров? Не хочешь же ты сказать, что Мискин убил Пешковича, как этот самый... ну, заводчик...

— Подвойский.

— Да, Подвойский Янычарова.

— Я ничего не хочу сказать. И потом вы подозреваете Загвоздкина — кстати, в завтрашнем "Страже" будет его первенка, его первая статья.

— Ах, Боже мой, я могу подозревать кого угодно. Все мои подозрения яйца выеденного не стоят, пока я не узнаю главного — как было совершено убийство. Даже если предположить, что из стула торчала отравленная заноза, он и тогда бы дух испустил, не успев скрипку поднять. Я был сегодня у Турчака...

— Турчак... чак... чак... — Гробокопатель заглянул в какую-то бумажку — Турчак, Евсей Евсеич, композитор и пианист. На правах автора пьесы с дурацким названием не вылезал из артистической. Я ведь расспросил капельдинера, как вы и хотели, и, между прочим, узнал массу вещей, пока Мискин не пришел, слушайте — кстати, он запаздывает. В артистической у Пешковича все время находился Турчак, который и взял потом его скрипку.

— Да, он мне ее показывал.

— Но Петр Иванович, с а м о е г л а в н о е, вы уж не пугайтесь: в этом деле ваша супруга замешана.

— ???

— Буквально за несколько минут до звонка Пешковичу сказали, что на подъезде его спрашивает дама. Я разыскал швейцара и тот, как характерную приметку этой дамы, назвал — только уж вы меня простите, Петр Иванович — вытекшую из носа черного цвета как бы сопельку-с — ну, такое родимое пятно, или мушка, что ли... стрелочкой.

Гробокопатель очень почтительно умолк. Фыфкин тоже молчал. Наконец спросил:

— О чем они говорили?

— Не могу знать.

Тем временем — явление антихриста народу — так по крайней мере мог бы решить Савва Олегыч, в этот миг отворивший дверь следовательского кабинета, если б только вздумал выражение лица Петра Ивановича отнести на свой счет. Но Савва Олегыч был далек от этой мысли.

— Петр Иванович, у меня новости, которые вас не могут...

— Что, собираетесь напечатать поименный список лиц, обреченных смерти в ближайшие две недели? — сказали губы Петра Ивановича, тогда как сам он оставался совершенно неподвижен, словно уже успел просмотреть этот список и обнаружить там собственное имя.

— Нет, напротив. Загвоздкину отказано. Мы его не печатаем. Поразительная догадка — кстати, вы могли бы все же извиниться за вчерашнее вторжение вашего... кучера — но я прощаю — догадка слишком поразительна.

— Уж не стало ли вам известно, каким образом был убит Пешкович? — все тем же упавшим голосом произнес Петр Иванович.

— Этого я не могу сказать, это я предоставляю решать вам. Однако — вы слушаете меня? (мертвенное "угу") — то, что я вам рассказывал прежде — как Пешкович позвонил у меня ноты турчаковской рапсодии, а Загвоздкин принялся их листать...

— Это все ложь, вы хотите сказать?

— Милостивый государь! Говоря так, вы принимаете на себя определенные обязательства, — ответил с достоинством, хоть и не без легкого замешательства, Савва Оле-

гыч. — Я не лгал, я ошибался, а это разные вещи, и едва только... да и вообще, как вы со мной разговариваете! Почему вы не предлагаете мне стул, я с вашим работником был более любезен...

— Простите, я не здоров, — сказал Петр Иванович, выходя из оцепенения. — Простите, Бога ради.

— Так значит, — продолжал Мискин, когда под ним появился стул, а перед ним — примирительно — стакан чаю, — едва только я понял, что действительность и мое изложение не совсем соответствуют одно другому, я тут же поспешил к вам, чтобы рассеять то заблуждение, в которое невольно вас ввел. Дело заключается в том, что Пешкович никаких нот в редакции не забывал. Эти ноты, уже после его ухода, были положены на мой стол Загвоздкиным.

— Объясните...

— Все очень просто. Рукописный экземпляр. Списан с оригинала специально для предстоящего концерта. Потеряв ноты, Пешкович должен был хватиться их в тот же день и пуститься на розыски. Ведь куда проще найти ноты, или во всяком случае попытаться это сделать, чем заново брать-ся за их переписку.

— Почему знать, может он их искал?

— И не вспомнил, что был в "Страже" в тот день. Мало вероятно.

— Но вы же сами про них позабыли.

— Это разные вещи. Мне-то они были ни к чему. К тому же — и это лишний довод в пользу моей догадки — ноты, позабытые, или, точнее, подсунутые мне, не были размечены, как это обычно делают музыканты, разучивая произведение.

— Ну, это, наверное, не всегда делается, — возразил Петр Иванович, все более оживляясь.

— Гм.. вы, простите, когда-нибудь баловались музычкой?

— Никогда.

— А у меня покойная сестра, царствие ей небесное, бедняжка, играла на рояле, и скажу вам, что пальцовка, штрихи расставляются музыкантами непременно. А тем более у скрипачей. Скрипка — вы знаете, какой это тонкий инс-

трумент? У них же (скрипачей) все ноты перемараны. А тут совершенно девственная партия, словно ни разу ее не раскрывали.

— А где эти ноты сейчас?

— У меня с собой. Полюбуйтесь. — С этими словами Савва Олегыч протянул Фыфкину тонюсенько разлинованные листы, сплошь иссеченные нарисованными от руки черной тушью значками.

— Гм... хитер был тот, кто придумал эту штуку, — сказал Петр Иваныч, разглядывая это "финикийское письмо", в отдельных местах снабженное авторскими пояснениями, как-то: *Adagio con tristezza, animate, furioso, morendo** — это по-итальянски, кажись?

— Да, указания исполнителю в нотах всегда делаются по-итальянски. Итальянский для музыкантов это тоже, примерно, что латынь для врачей.

— Гм, но вот, как я погляжу, кириллица. Погодите, погодите, "поэт падает замертво". Я не ошибся?

— Нет, не ошиблись, совпадение действительно таинственное. Как раз на это место и показал мне Загвоздкин.

Но вместо того, чтобы издать междометие — какой-нибудь боевой клич дикарей или их же недоуменное "гм" при виде их бледнолицых братьев, что, само собой, казалось, напрашивается в данной ситуации, Петр Иваныч снова впал в оцепенение, из которого его уже начал было выводить рассказ Мискина. Помолчав, он спросил — как и прежде одними губами:

— Выходит, по-вашему, Загвоздкин где-то добыл ноты — хотя сами же вы говорили, что, скорей всего, существует лишь оригинальный экземпляр да один список с него — для исполнителя. Раздобыв ноты, значит, он по пятам ходил за Пешковичем, следом за ним явился к вам...

— Нет, он пришел первым...

— Еще лучше — рассчитал, куда тот направляется, и опередил, а, дождавшись его ухода, подложил вам ноты, ткнув пальцем в загадочную надпись, почему-то вопреки правилам

*Медленно и печально; оживляясь; неистово; замирая.

русскую. Дескать, знайте, Савва Олегыч, какого медиума теряете. И дальше совсем просто, нужно только вспрыснуть Пешковичу под кожу цианистого калию, так чтобы из пятисот человек, как раз в этот миг не спускавших глаз с бедной жертвы, никто ничего не заметил. Как он это сделал, пускай Петр Иваныч Фыфкин решает. А знаете, Савва Олегыч, что по имеющимся у нас сведениям вас не очень-то должна печалить кончина Пешковича.

Мискин, как ужаленный, вскочил со стула и, оттолкнув от себя стакан — по счастью, для стола Петра Иваныча уже пустой — крикнул своему собеседнику что-то весьма обидное.

— Ну, батенька, коли вы так считаете, — ответил Фыфкин, — то мы с вами наш разговор продолжим в другой раз. К тому же мне сейчас нездоровится... нотки-то оставьте!

После того, как Мискин катапультировался, Петр Иваныч сказал Гробокопателью:

— А ведь я не вру. Мне и впрямь нездоровится. И будет нездоровиться — тут зевесовы очеса его вспыхнули — покуда не переговорю с Дарьей Ильиничной. Но — (как бы спохватываясь) Дарья Ильинична Дарьей Ильиничной, а дел и без нее хватает. Я уже говорил, что ходил к профессору Турчаку, просил научить меня на скрипке играть — ну что ты пялишься, если я играть на ней не научусь, то этого дела я до самой смерти не кончу.

— Простите, но в таком случае вы его точно до самой смерти не кончите. И потом... Турчак же не скрипач.

— Ну, вот и он так сказал.

— Нет, Петр Иваныч, вам не играть нужно научиться, а узнать что такое — скрипка, с чем ее едят-с. Для этого я вас могу ввести к одному человеку...

— Ну, хорошо, хорошо. Я дурака сваял, согласен. По недостатку культуры. Но только слышишь, Моисей, будь я такой культурный, как ты, я никогда не узнал бы — да ты слушаешь? (хотя что-то, а Гробокопатель уж наострил ушки как мог, и это Петр Иваныч растягивал для пушщего эффекту), что покойная жена Турчака имела лицо... зна-

ешь какое: вот если редактору "Стража" Савве Олегычу Мискину, который сейчас отсюда пулей вылетел, приставить локоны, то это будет вылитая Клавдия Олеговна Турчак... Что?! О, я же идиот... это же... ты понимаешь?

— Еще бы, — Гробокопатель фамильярно подмигнул начальнику. — Савва Олегыч сказал ведь, что его сестра теперь на небесах, все и сходится — одинаковые лица, одинаковые отчества и, наконец, одинаковый адрес. Идите, выздоравливайте, Петр Иваныч, а я уже все раскопаю.

— А я, дурак, еще никак не мог понять, кого она мне напоминает — пока этого "стражника" не увидел, — говорил Петр Иваныч, влезая поочередно сперва в один, а потом в другой рукав пальто, которое Могилкопатель подавал ему так старательно, что сразу видно было: делать этого он не умеет.

Дома Петра Иваныча ожидало драматическое представление. Оно давалось Дарьей Ильиничной — истинной дочерью Евы — в предчувствии грозы, на тарелках, вилках, ножах и завершилось ее самозаточением в людской, откуда прислуга была предусмотрительно удалена еще до прихода виновника торжества. Дарья Ильинична сидела в работницкой комнатухе на сундуке и распевала — по выражению Петра Иваныча — песни без слов.

— Сделай милость, — сказал Петр Иваныч, подходя к двери — сделай небольшой антракт, — потом сможешь музицировать сколько тебе захочется. Это зловещее обещание полной свободы действий в дальнейшем, говорящее о том, что попытка нанесения мужу превентивного удара провалилась, вывело ее из первоначальной роли (а следовательно и из каморки) и вот зареванная, ослепленная всеми имевшимися в распоряжении противника осветительными приборами, бедная артистка предстала пред лицо мужа праведного и судьбы гневного.

— Известно ли тебе, Дарья, — начал он, — что сокрытие от следствия фактов, относящихся к преступному деянию, русское уголовное право рассматривает как соучастие в нем. Я имею в виду твою встречу и твой разговор с музыкантом

Пешковичем, вскоре после этого убитым. В круг моих обязанностей далее входит сообщить вам, Дарья Ильинична, что дача ложных показаний, попытки запирательства, к коим уложение безусловно относит и ссылку на головную боль, также облагается суровыми наказаниями. В сфере же гражданского законодательства все это взятое купно ведет вас по прямой дорожке к бракоразводному процессу. Ну-с?

Но перенесемся из области криминально-семейных сцен в область чистой криминалистики. С таким же нетерпением, с каким Петр Иваныч наутро торопился в полицию, чтобы поделиться с кучером Гробокопателем вырванным у жены признанием и даже одним вещественным доказательством (правда, еще не ясно было, что именно оно доказывало) — с таким же точно нетерпением и сам Гробокопатель дожидаясь прихода следователя, не в силах более в одиночку сносить все необычности сделанного им открытия. Поспорив немножко о том, кому начинать, ибо исключительная важность новостей позволяла каждой из сторон считать себя вправе на, так сказать, последнее слово, Петр Иваныч не выдержал и заговорил первым. Хотя, как затем выяснилось, Гробокопатель спорил совершенно напрасно: последнее слово в любом случае оставалось за ним, коль скоро ему, а не Петру Иванычу суждено было установить тождество почерков, коими писалась уже известная, но как-то выпавшая из внимания следствия записка ("адресок" Загвоздкина) и письмо, что всю дорогу от дома до места службы жгло Петру Иванычу боковой карман — и чуть-чуть сердце.

"Милостивая государыня, — писалось в этом огнеопасном послании, — многочтимая Дарья Ильинична!

Зная, сколь оскорбительной может показаться для Вас — супруги г-на Фыфкина, которого я, к сожалению, не имею чести знать, но о чьем существовании неопровержимо свидетельствует обручальное кольцо на Вашем безымянном пальце — я все же уповаю на Ваше милосердие, которому, безусловно, не составит труда преодолеть прочие Ваши добродетели ради милости, которую Вы безо всякого ущерба

для своей чести окажете умирающему — увы, не в переносном смысле, придя 13-го апреля в Народный Дом, где у дверей артистического подъезда Вас будет ждать несчастный скрипач

Валериан Пешкович.

Но самим господом Богом заклинаю Вас, приходите не раньше, чем за пять минут до моего последнего в жизни выхода на сцену, который произойдет ровно в восемь с половиною.

Сожгите, сожгите это тот час же по прочтении."

Конечно же, Дарья Ильинична ничего не сожгла и, конечно же, создалась во всем мужу, плача и кусая те две вещи, которые приличиями не возбраняется даме кусать: губы и платочек. Да, в двадцать пять минут девятого она была в назначенном месте, где, к ее великому недоумению, ее никто не дождался. Охваченная странным волнением, она разорилась на двугривенный, велев швейцару во что бы то ни стало позвать господина Пешковича. Последний, хоть и появился, но только за тем, чтобы нагругить ей и, даже не выслушав ее, с развевающимися фалдами умчался наверх, откуда уже по нем звонил колокольчик. В негодовании возвратилась Дарья Ильинична домой, и, не моргнув глазом, солгала мужу — дескать, мигрень у нее. Когда на следующее утро газеты оповестили о смерти артиста, ей, бедненькой, самой стало до смерти нехорошо, а когда день спустя Мискин рассказал о странном и сбывшемся предсказании, она, вопреки своему обыкновению, не только не поддержала разговор на столь милую ее сердцу тему, но даже не высказала своего удовлетворения по поводу того, что редактор "Стража" наконец сдался под напором одного-единственного, но неопровержимого факта: пророчество сбылось, как он того и хотел, с точностью до...

— Не считите за дерзость, если я задам вам вопрос, Петр Иванович — вы могли этого и не заметить, вы ведь не меломан-с, так сказать — вот тут, я-то, видите ли, увлекаюсь не-

много и театром, и в концерты хожу, тут сказано: "за пять минут до последнего в моей жизни выхода на сцену..."

— Да-да, он говорит о себе как об умирающем, и это не какая-нибудь метафора для пущей сопливости, а вполне конкретно: "последний выход".

— Да нет же, я не о том совсем. Здесь другое странно. Музыкант так никогда не скажет, сцена — это театральный термин, актерский. Музыкант, выступающий в концерте, сказал бы: за пять минут до моего выхода на эстраду.

— То есть, ты хочешь сказать, что письмо подложное?

— Это ясно, как простая гамма.

— В таком случае... цель у письма может быть только одна: выманить...(это слово и начальник и подчиненный произнесли хором, демонстрируя завидную слаженность в работе своих мыслительных механизмов). Да, — продолжал Петр Иванович уже в единственном числе, — зачем? И главное, почему для этих целей избрали мою жену? — Гробокопатель молчал, предпочитая, чтобы в своих семейных делах разбирался сам Фыфкин. Но Петр Иванович вновь вернулся к пункту первому: зачем?

— Людей выманивают из дому с намерением учинить над ними... нет, нет, нет, — опровергал Петр Иванович Петра же Иваныча, — здесь другое. Людей выманивают также с тем, чтобы... внимание... учинить что-либо в их отсутствие. Моисей, я, кажется, что-то начинаю понимать. Едем!

— Куда, Петр Иванович, куда вы хотите ехать?

— К твоему человеку, который расскажет мне как эта чертова скрипка устроена, ты же сам обещал.

— А-а, ну ладно, — без особого энтузиазма согласился Гробокопатель, которому стало обидно, что Фыфкин так невнимателен по отношению к нему, что даже позабыл выслушать его, Гробокопательский сюрприз. — Хорошо, только взгляните прежде на это. — Он достал газету, чье одно название уже напомнило Петру Иванычу о днях его удалого холостяцкого житья. Некогда газета эта, специализируясь на публикации всевозможных сплетен и слухов, была едва ли не причиной всех городских скандалов — ее закрыли примерно за год до женитьбы Фыфкина, после того, как

в ней появилось сообщение, что одна дама, перенесшая стриженный лишай, носит такой же парик, что и супруга губернатора.

— Ба, "Тамбовский Фигаро"! — воскликнул Петр Иванович.

— Вот здесь, извольте прочесть, — Гробокопатель отчеркнул ногтем мизинца нужное место и, покуда Фыфкин пробежал глазами заметку, сам же вслух прочитал ее: "Нам пишут, что в Перми, в тысяче верст от родных палестин, двадцати пяти лет отроду скончалась Клавдия Олеговна Турчак, жена и в прошлом ученица нашего всемирно известного земляка, пианиста и композитора Турчака. Поскольку сам г.Турчак на похоронах не присутствовал, город наш был представлен г.Пешковичем, молодым, но уже хорошо зарекомендовавшим себя скрипачом, по удивительному совпадению также оказавшимся в этих краях. Расходы по погребению принял на себя брат покойной, д-р Мискин, постоянно проживающий в Перми и пользующий там обширную клиентуру. Наша газета выражает убеждение, что скорбь г.Турчака не останется неразделенной."— В этом что-то есть, а? Трое в одной лодке, не считая собаки.

Так как лодка Джерома к тому времени уже достигла берегов России, Петр Иванович понял шутку и, рассмеявшись, спросил: "А собака — это Загвоздкин? Да, Моисей, в этом что-то есть. Изучение скрипки временно откладывается. Едем к Мискину. Моисей, ты бы мог стать сыщиком века, если б не был идиотом."

Столь своеобразная похвала, очевидно, пришлась Гробокопателю по вкусу. Во всяком случае, окрыленный успехом своих дневных и, надо думать, — принимая в расчет кипу макулатуры, в которой ему пришлось покопаться — ночных изысканий, он вдруг совершенно ошарашил Петра Ивановича тем, что догадался сличить поддельное письмо Пешковича с адресом, написанным рукой "собаки" Загвоздкина.

— Нет, вы видите, вы видите! Даже на четверть не надо быть графологом, чтобы признать полную их идентичность.

Фыфкин молчал, втайне кляня себя за недогадливость.

— Нет, все равно, — сказал он, после минутного колебания, — Загвоздкин не убежит. Федя при нем?

— Неотлучно.

— Не убежит, — повторил Фыфкин. — Прежде к Мискину.

С Мискиным у Фыфкина был разговор короткий. Показав редактору пожелтевший от времени номер "Тамбовского Фигаро", а также высказав свое мнение о причинах странной благотворительности "Стража" по отношению к Пешковичу (шантаж), Фыфкин попросил Савву Олегыча "рассказать все без утайки, поскольку дело принимает серьезный оборот." — "Я ведь сразу догадался, что вы — врач", — самодовольно добавил он, наслаждаясь незавидным положением, в котором оказался "этот бреттер", — Петр Иванович забыл, что не кто другой, как он был инициатором дуэли. Мискин, видя, что дело пахнет керосином и лучшее — это сдать на милость победителя (и супруга "райского яблочка") — открыл тайну смерти своей сестры, а заодно и ту печальную роль, которую сыграли в ней Пешкович и он сам. Собственно, участие скрипача ограничивалось лишь двумя поступками, из коих ни один не подпадал под действие уложения о наказаниях: Турчак, урожденная Мискина, была им соблазнена и оплодотворена (было бы даже как-то нелепо разграничивать эти два деяния, если бы последнее — а никак не первое — не явилось причиной трагического исхода). Далее имели место — в хронологическом порядке: уход от мужа, отъезд в сопровождении Пешковича в Пермь к брату, настоятельные просьбы незадачливых любовников "сделать им аборт", наконец, удаление братом у сестры "запретного" плода и, как результат, смерть. "О, как я не хотел приниматься за это, но они умоляли меня, даже повели на спиритический сеанс, где дух нашей матери заклинал меня совершить это."

— Э, — сказали мы с Петром Ивановичем, — так вот откуда у вас эта особенная страсть к спиритизму.

Похоронив сестру, сестроубийца дал себе слово прекратить занятия медициной и остаток жизни — а оставалось немало — провести в заботах об общественной пользе. Кое-

какая недвижимость, доставшаяся ему от покойной, на которую ее бывший супруг не мог претендовать ("в силу целого ряда обстоятельств, распутывать которые вы мне позволите не распутывать") по своем превращении в движимость дала ему возможность основать то, что отныне стало делом его жизни — общественно-литературно-религиозную газету "Сторож" ("Но почему именно здесь, в этом городе?" — "Да глупая сентиментальность"). С зятем его ничего не связывало — о смерти сестры-жены он что-то наплел, тем более, что в Перми дело удалось замаять, и все было бы как было (это чтобы не сказать "прекрасно"), если бы истинный виновник "Кокочкиной" смерти вдруг, спустя уже несколько лет, не явился к редактору душеспасительной газеты и, пригрозив разоблачением, что повлекло бы, без сомнения, общественную смерть Саввы Олегыча, не потребовал бы своей доли доходов в качестве платы за молчание.

— Но вы понимаете, что у следствия есть все основания...

— О, не говорите, прошу вас, вы думаете я следствия боюсь? Я другого боюсь: я... я ведь желал его смерти, — и Мискин разразился неподдельными, так сказать.

— На Фотиевскую! — крикнул поддельный кучер настоящему, как только Петр Иванович занял свое место в бричке, дожидавшейся его у дверей редакции.

— Постой, постой, братец, — проговорил Петр Иванович, хватаясь за поручни, так как бричку сильно трянуло, и, обращаясь к Гробокопателю, спросил: "Зачем же нам на Фотиевскую?"

— Я думаю, что сейчас самое время побеседовать с Загвоздкиным. Против него матерьяльчик поднабрался.

— Ну и я так думаю. А что, он тоже на Фотиевской живет?

— А кто еще? — осведомился Гробокопатель, втайне дивясь на шефа, даже не удосужившегося прочитать загвоздкинскую писульку с адресом.

— Как кто? Турчак... Да, Моисей, если все так и дальше ладно будет, то к вечеру мы убийцу того-с.

— Полагаю, что им окажется не Мискин.

— Я тоже так полагаю, хотя... хотя кой-кого он все-таки убил. — И Фыфкин рассказал то, о чем нам уже известно, а во второй раз одно и то же слушать — да и пересказывать — что подогретый бифштекс есть.

— Тпррр, — затормозил извозчик. — Приехали, барин.

— Да они и впрямь соседи, — проговорил Петр Иванович, прыгивая с подножки. — Супротив друг дружки живут.

Но не успел он сделать и двух шагов в направлении нужного ему крыльца (Загвоздкин жил в одноэтажном деревянном домике с крылечком, изукрашенным неизвестным народным умельцем — мастером деревянных петушков) как из-под ступенек выбежала какая-то человеческая бессмыслица в долгополой шинели и котелке (!!!), который, впрочем, тут же был почтительно ею снят с головы. Низко кланясь — обычно после этого следовало: "Па-а-дайте жертве японского милитаризма..." — ряженный забалаболкал: "Ваше благородия, Петр Иванович, три дня не емши, не пимши и, простите, в отхожем месте не бывамши. Дайте передышку".

— Ничего, Федя. Столько терпел, потерпи еще маленько. Лучше скажи, как подопечный?

— Ничего, ваше благородие, человек смирный, домосед, можно сказать, только раз в гости сходил к соседу, — шпик-Федя показал на турчаковский дом.

— Угу. Ну, сейчас, может, брать будем.

С этими словами Петр Иванович взошел на крылечко и позвонил в колокольчик. Дверь открылась.

— Ах, это вы, — сказал человек с изможденным лицом и лихорадочно горящим взором, сходство его с Раскольниковым даже несколько смутило Петра Иваныча, который с большим трудом теперь узнавал в нем управляющего фабрикой по производству химикалиев.

— Пригласите пройти в комнаты, господин Загвоздкин, или вам угодно разговаривать через порог?

— Прошу, — сказал Загвоздкин, посторонившись и давая Фыфкину пройти.

— О, теперь я вижу, что имею дело с настоящим волшебником, — усмехнулся Петр Иванович, оглядываясь на стены, сплошь завешанные какими-то атласами и знаками явно

кабалистического характера. — Должно быть, общение с духами составляет основное занятие вашей жизни, равно как и смысл ее? — Загвоздкин молчал. — Да, — продолжал гость в том же насмешливом тоне, — мысль, что я в какой-то мере перебежал вам дорогу, очень угнетает меня — позволите сесть? — и я оправдываю себя лишь тем, что вы сами виноваты — у меня есть спички, пожалуйста — вступив на путь порочный и от ваших изысканий весьма далекий, я имею в виду подложное письмо, которое вы от имени Пешковича послали моей жене.

— О, Боже мой, это чистая случайность! Откуда я мог знать, что это ваша жена? Дарья Ильинична — первая попавшаяся женщина, которая пришла мне на ум.

— Обидно слышать, что женился на первой попавшейся женщине... И потом эта выходка с нотами, которые вы подсунули редактору "Стража", украв их у вашего всемирно известного соседа Турчака. "Поэт падает, сраженный насмерть" — так кажется? Нет, не перебивайте, у вас еще будет время сказать все, что вы хотите, не очень много, правда. Кстати, я повторяю, я действительно очень сожалею, что ваш очерк "Смерть выдает себя" так и не будет напечатан. Меня, как криминалиста, эта тема не может не волновать. Только скажите, как она выдает себя, череп ли начинает просвечивать сквозь кожу, или, как уверял меня один расстратчик, ногти зеленою прорастают? Да ладно, это все глупости. Собственно я к вам, чтобы вас арестовать. Оснований для этого более чем достаточно. О главном-то, надеюсь, помните? — Петр Иванович понизил голос до доверительного шепота. — Цианистый калий. Ну, голубчик, собирайтесь. Карета подана.

— Но у вас нет доказательств.

— Покамест еще имеются некоторые пробелы, но в общем ваша песенка спета. А мелочи, ну так о них не беспокойтесь, на новом месте у нас с вами и разговор пойдет по-новому, глядишь, вы что-нибудь и объясните.

— Нет! Нет! Я ни в чем не виноват, я только хотел...

— Знаю, голубчик, прославиться.

— Хорошо, я вам все скажу, только не арестовывайте

меня... — и вот еще один неподдельный водопад — со вздрагиванием плеч, ломанием суставов и т.д.

— Ну, — сказал Петр Иванович, — у меня мало времени, мне еще предстоит два визита. Итак, кратко и связно. С того момента, как вы украли ноты, предыстория же меня мало интересует.

— Я не крал...

— Нет, тогда как...

Открывая наружную дверь, Петр Иванович чуть не сбил с ног Федьку, стоявшего на крыльце и деловито бряцавшего наручниками в надежде вот-вот их употребить.

— Федя, — сказал Петр Иванович, — как ни обидно, но тебе придется потерпеть еще немного. Можешь пока провести время в обществе этого господина, — он указал на маячившую в глубине фигуру Загвоздкина. — Попьете чайку, потолкуете — чайком уж вы моего человека попотчуете, хорошо? А то он тут, бедняга, два дня под вашими окнами околачивался — и чтобы никаких сношений с внешним миром не было. Домашний арест.

— Слушаюсь, ваше благородие. Только мне бы сейчас не чайку, а по...ть.

— Ну, давай, иди про...сь, а мы его пока сами покараулим, — сказал Петр Иванович без тени улыбки.

— Ну, вези меня теперь к своему токарю-пекарю, скрипичному знахарю.

— Это бедный человек, живет в еврейском квартале — эй, там, на козлах, на Гвардейскую улицу! — кормится тем, что играет на свадьбах.

— Гм, эти мне кормящиеся. Словом, Моисей, от твоего человека теперь зависит исход дела. Он должен объяснить нам, как это произошло. Знаешь, что мне Загвоздкин рассказал...

В жизни все должно быть по справедливости. О чем-то мы узнали раньше Гробокопателя, присутствуя при разговоре Петра Ивановича с Саввой Олегычем, покуда тот, бедняга,

томился в пролетке, теперь же пусть он возьмет реванш, а мы потерпим.

Клезмер — это был первый клезмер города — принял Фыфкина и его помощника по-королевски, предложив вошедшим одну табуретку на двоих, вероятно, предполагалось, что оба они бросятся к ней взапуски.

— Я бедный человек, у меня только один табуретк, — сказал он в свое оправдание. — Что господам угодно заказать, весь наш клезмерский оркестр, или скрипача-соло?

— Соло, — сказал Фыфкин, — я хочу, чтобы вот это вы сыграли сегодня одному человеку, — он протянул музыканту ноты — все ту же балладу о Пушкине.

— Э-э, — пропел клезмер, — так это же по нотам...

— А разве вы по нотам не играете? — спросил Фыфкин, хмурясь и, как Партос, кусая ус.

— Отчего же не играю? Прекрасно даже играю, только... это обойдется вдвое дороже.

— Реб Фишл, дер гой ис фин полиције*, — подал голос Гробокопатель.

— Нэбох, их бин блинд, их зей ништ алейн!** Да тут еще не по печатному, а нацарапал кто-то, как курица лапой. Это тоже будет стоить дополнительных денег.

— Слушайте, господин скрипач, — сказал Фыфкин, выходя из себя, — мне говорили, что вы бедный человек...

— Очень, очень бедный.

— Так вы рискуете стать еще беднее...

— Невозможно.

Пока длилось это препирательство между русским законом и еврейской музой, Гробокопатель снял со стены скрипку и принялся ее разглядывать.

— Реб Фишл, почему она у вас такая пыльная?

— Где же пыльная, где же пыльная, это же калифониум.

— А что это? — простодушно спросил Петр Иваныч, так же заинтересовавшийся инструментом и сделавший знак, что согласен на все условия скрипача по найму, после чего последний с профессиональной словоохотливостью объяснил, что

* — Реб Фишл, этот гой из полиции.

** — Несчастный, что я слепой и сам не вижу?

такое "калифониум", каковы его свойства и назначение. Выслушав высококвалифицированные объяснения клезмера, Фыфкин с любопытством ущипнул струну, чем вызвал особое неудовольствие хозяина.

— Вечное несчастье, каждый, кто видит скрипку, так и норовит подергать ее за струну. А если струна лопнет, вот она и так уже вся размоталась — канитель во все стороны торчит.

— Что, что?

— Ну, проволочка, которой струну обматывают, канитель называется.

Кровь бросилась в лицо следователю Фыфкину.

— А тут вы мне можете сыграть? — торопливо проговорил он, указывая в нотах место, отмеченное как роковой ремаркой, так и роковыми событиями.

Реб Рыбка взял скрипку, взял смычок, скособочился. "Где вы говорите, тут? Ну и зараза был тот, кто это написал... В жизни так высоко еще на соль-струне не играл..." — послышался визг, Петру Иванычу показалось, что ему кто-то чешет зубы.

— Я в этом, конечно, мало понимаю, — сказал он, — но по-моему, любезный, у вас неважно получается.

— Что ж, консерваторий не кончали, — обиделся клезмер. — Но и наворочено тут тоже, знаете...

— А то, что перед этим, оно тоже... наворочено?

Скрипач от слова "скрипеть" покрутил ноты, попиликал что-то себе под нос.

— Ну!.. — с нетерпением воскликнул Фыфкин.

— Ну, ну, — проворчал клезмер, все еще страдая от нанесенной ему обиды. — Все бы ничего, если бы не эта проклятая нота. А то как будто специально.

— И последний вопрос. Вы могли бы снять струну со своей скрипки?

— Но это будет стоить...

— Хорошо, хорошо. Берите струну — да, да, вот эту, на которой вы то место играли...

— Соль-то?

— Да, и едем.
 — А скрипка?
 — Скрипку не надо.

— Полиция, открывайте! — Петр Иваныч вошел в квартиру профессора Турчака, топая при этом как десять жандармов. — А, господин профессор, — сказал он хозяину, на ходу завязывавшему пояс халата, — когда к вам ни придешь, вы все спите.

— Так это вы? Но... это возмутительно. Знаете ли вы, который час! А ты почему впустила?

— Они... они... сказали, что они из полиции... — залепетала бедная Наина, кутаясь в одеяло, накинутое поверх сорочки, и дрожа — не то от страха, не то от холода.

— Вы... вы... — от гнева у Турчака даже перехватило дыхание. — Да вы знаете, что такими вещами не шутят!

— Знаю, — спокойно ответил Фыфкин. — Поэтому я и не шучу. Я полицейский следователь Фыфкин — и заметьте не Шишкин, а Фффыфкин, фффинский нож! — и имею ордер на обыск и арест ваш.

— Но в чем дело?

— Сейчас я вам объясню. Будьте любезны открыть футляр, который у вас вон в том углу. Я хочу взглянуть на скрипку покойного Пешковича. Хорошо. (Когда его желание было выполнено). Я так и думал. Вот эта струна соль совершенно новая, в отличие от остальных на ней нет калифониума.

— Чего нет?

— Калифониума.

— Канифоли, вы хотите сказать? Ну и что, я натянул новую. Старая была не в порядке, на ней...

— Да, да, знаю, на ней порвалась канитель, такая тонкая проволока, которой обматывают струны, угадал?

Турчак стал белый как снег.

— Хотел бы я знать, — продолжал Фыфкин, где она теперь?

— Я не знаю, право ... я выбросил ее.

— Ах, вы выбросили? Понятно. Ну, а мы ее нашли. Эй, все входите! — крикнул Петр Иваныч в сторону входной двери. Появились: Гробкопатель, Федя, а между ними

маленький человечек, державший в вытянутой руке — словно намереваясь подать ее кому-то — свернувшуюся в колечко струну.

— Пожалуйста, снимите с этой скрипки новую струну и замените ее старой, — сказал Петр Иваныч. Человечек послушно исполнил приказание. — Хорошо. А теперь возьмите скрипку и сыграйте господину Турчаку его последнее сочинение. — На пюпитр рояля — впрочем, человечек был настолько мал, что пюпитр пришелся ему по росту — легли ноты. Раздалось пиликанье. Фыфкину показалось, что оно длится вечность, когда вдруг Турчак бросился к играющему — в этот миг клезмер как раз собирался издать тот ужасный визг, от которого уже раз у Петра Иваныча зашалили нервы в зубах — и с рычаньем львицы, у которой отнимают львенка — сцена, наблюдавшаяся нами, конечно, не раз — вырвал скрипку у скрипуна — вот странно только, что почему-то рычал не тот...

— Берем, Петр Иваныч?

— Берем, Федя.

Изловчившись, Федя защелкнул на тонких профессорских кистях наручники. Петр Иваныч подошел к тяжело дышавшему Турчаку и сказал: "Евсей Евсеич Турчак, именем закона вы арестованы по обвинению в том, что 13-го апреля 1914 года вы убили скрипача Пешковича."

Арестованный затряс головой, словно исполнял трансцендентный этюд Листа: "Я!? Валеру!? Это был мой многолетний друг, я любил его как сына..."

— Это был человек, отнявший у вас жену, человек, которого вы ненавидели и которому жаждали отомстить. (Этюд Листа закончен. Седая голова пианиста упала на седую грудь). — Долго же вы вынашивали свой план, — продолжал Фыфкин. — Узнав, что по соседству с вами живет один несчастный, одержимый какими-то безумными идеями и что по счастливому совпадению — для вас — он является безраздельным хозяином некоего сейфа с токситами, вы решили сойтись с ним. Вы внушили ему мысль, что он велик, что мир падет к его ногам, но для этого надобно вас слушаться и не задавать никаких вопросов. Однажды вы приказали ему принести

вам цианистого калию — бедный безумец вам безропотно повиновался. В другой раз, выведав у Пешковича, когда он собирается быть в "Страже", вы дали Загвоздкину ноты с тем, чтобы тот подсунул их редактору; о, вы точно рассчитали время — после ухода вашего, как вы выразились, "сына и друга" Загвоздкину предстояло "предсказать" его гибель, указав на нужную вам ноту, которую — зная, что бедняга не силен в нотной грамоте, вы специально снабдили весьма выразительным примечанием. Кому могло прийти в голову, что вы с намерением поместили ее в таком месте черной планочки...

— Не позорьтесь, грифа, — шепнул Гробокопатель.

— Да, именно, в таком месте черного грифа, которого почти никогда не касаются пальцы виртуоза. Но по вашему злomu замыслу палец виртуоза Пешковича все же должен был один раз прижать в этом месте струну. Теперь остался лишь сущий пустяк: перед самым началом концерта удалить скрипача из его комнаты и в его отсутствие в нужной точке струны — нахождение ее для вас, музыканта, не составляло труда — повредить намотку, нанеся при этом на торчащий конец проволоочки микроскопическую капельку яда. Понятно — даже чисто психологически понятно — что соблазнителью вашей жены, в ваших глазах дон-жуану первой марки, вы избираете приманкою женщину. Вы заставляете Загвоздкина, это слепое орудие в ваших руках, написать письмо за подписью вашей жертвы какой-нибудь хорошенькой женщине. Не скрою, мне приятно от мысли, что выбор его пал на мою жену. Ничего удивительного, что добрая Дарья Ильинична поспешила на призыв умирающего — это слово в письме повторяется по меньшей мере трижды — ничего удивительного, что и сам "умирающий", когда ему сказали, что его спрашивает женщина, поторопился выйти из комнаты...

— Артистической, Петр Иваныч...

— Да, конечно, артистической — чтобы... ну, не знаю, чтобы надерзить бестактной визитерке, посмевшей беспокоить артиста за минуту перед его выходом на эстраду — заметьте, "эстраду", уважаемый, а не "сцену", как написал загипнотизированный вами молодой человек. Минута проходит, артист

возвращается — но сколько струн можно успеть отравить за это время и скольких скрипачей отправить на тот свет. Знаете, профессор Турчак, в этой печальной истории для меня все ясно, кроме одного: как вы могли сказать Загвоздкину, когда вчера, мучимый страшными догадками он пришел к вам — как вы могли сказать ему, что он ничтожество, жалкий маньяк, и это после всего, что вы говорили ему прежде. По мне так эта жестокость есть преступление гораздо большее, нежели то, за которое вас будут судить. Dixi.

— А для меня в этой истории не все ясно, — говорил Гробокопатель Фыфкину, когда они последними выходили из дома, по которому теперь одиноким привидением бродила лишь старуха с одеялом, накинутым поверх ночной рубашки. — Откуда вы знали, что Турчак, такой прожженный тип, и поверит вам, что вы действительно нашли ту самую струну? Ведь этим он выдал себя с головой.

— А кто говорит, что он мне поверил. Это нервы, это чувствовать надобно. Вот послушай, я скороговорку сочинил: вранье — нервов рванье.

ГЕНРИХ Ш А Х Н О В И Ч

"СОЛО НА БАРАБАНЕ"

Богато и красочно иллюстрированный сборник юмористических и сатирических рассказов.

"Генрих Шахнович умеет подмечать смешное. Иногда и несмешное. Даже грустное. А грустное главное потому, что оно не прошло, оно еще есть

(Из предисловия Виктора Некрасова.)

КНИГА ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

В ней 265 страниц.

Стоимость — 37 лир.